

Vladimiras Ivanovičius Kulakovas – Rusijos mokslų akademijos Archeologijos instituto vyriausiasis mokslo darbuotojas.
Moksliniai interesai: Europa ir Baltija I m.e. tūkstantmetyje.
El. paštas: drkulakov@mail.ru.

Vladimir Ivanovich Kulakov: senior researcher of Institut of Archeology, Russian Academy of Science.
Research interests: Europe and Baltic in the first Millenium D. C.
E-mail: drkulakov@mail.ru.

Владимир Кулаков

ЗАПАДНОБАЛТСКИЙ ФЕНОМЕН В ЭПОХЕ ВИКИНГОВ

Anotacija

Vikingų judėjimas sukretė visuomeninio gyvenimo pagrindus, bet ne visų mūsų žemyno regionų. Gruobinioje ir Kaupė-Viskiaučiuose skandinavai nesugebėjo užimti svarbių vietų, o jų veikla buvo griežtai kontroliuojama vietinių jėgos struktūrų. Dėl vakarų baltų sakralinio fenomeno Gruobinio ir Kaupo-Viskiaučių regionuose nebuvo tipišku vikingų erai prekybos ir amatų ryšių.
 PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: Baltija, Sambija, prūsai, vikingų era.

Abstract

The movement of Vikings not for all regions of our continent was concussion of bases of public life. In Grobiņa and on Kaup Scandinavians didn't manage to take decisive places in these settlements and their activity proceeded under strict control of local power structures. Westbaltic sacral phenomenon became the absence reason in Grobiņa and Kaup of settlements with the lines typical for the trade and craft settlement of an era of Vikings.

KEYWORDS: Baltic, Sambia, Prussians, era of the Vikings.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/rh.v17i1.1154>

Конец I тысячел. н.э. был ознаменован для Европы серьёзным испытанием на прочность всех сложившихся к тому времени норм жизни. Этим испытанием стало движение викингов. Однако не для всех регионов нашего континента это сотрясение основ общественной жизни, последнее крупное столкновение христианской цивилизации и общественно-социальной системы, основанной на принципах отеческой религии, проходило одинаково. Если в западной части Европы напор дружин викингов/норманнов

приводил к кровавым эксцессам при столкновении с раннефеодальными государствами западногерманского мира, то в восточной части Балтийского региона приход северян носил преимущественно мирный характер и обладал чертами культурно-этнической диффузии. Это привело к формированию балтийского варианта движения викингов (Кулаков 1999а, 149).

Если первые контакты южной части эстиев, обитавших в янтароносном Мазурском Порозерье, с населением юга Европы приходится на конец I тыслет. до н.э., то Самбия для торговцев янтарём была по не совсем ясным до сих пор причинам «закрыта» до сер. I в. н.э. (Nowakowski 2009а, 114). Лишь в начале второй половины I в. н.э. (рубеж между фазами В₁ и В₂ хронологической системы Тишлера-Эггерса-Годловского), после описанной Плинием Старшим экспедиции на Янтарный берег, предпринятой отрядом легионеров под предводительством римского всадника, стал формироваться отрезок Янтарного пути, соединявшего устье р. Вислы и Самбию (Koulaokov 2000, 32–35). С севером Европы, в частности – с островами Фюне, Зеланд и Борнхольм, у западных балтов развивались контакты ещё в раннем железном веке (Nowakowski 2009b, 75). Правда, как считает В. Новаковский, эти контакты явились результатом активности носителей ясторфской культуры. По мнению варшавского коллеги, в контактах с севером Европы эстии Самбии, занятые янтарной торговлей с Римом, принимали малое участие. К сожалению, от внимания В. Новаковского при этом ускользают прямые аналогии в погребальном обряде трупоположений с северной ориентировкой и с конским захоронением, известных в I в. н.э. как на Самбии (Gaerte 1928, 45–49), так и на о. Готланд (Almgren, Nerman 1923, Textbild 155). Этот факт указывает на прямые этно-культурные контакты между Самбией и лежащим всего лишь в 300 милях к северо-западу от неё о. Готланд. Жители Ютланда также не теряли интереса к Янтарному берегу и, уходя от затопленного морскими водами северной части своего полуострова, частично переселились на Самбию в конце II в. н.э. (Кулаков 2003, 246). Это переселение реконструируется по ряду новаций, появившихся на пороге позднеримского времени в погребальных древностях Самбии. Среди них – конские оголовья типа Vimose, трупосожжения различных форм, лощёные биконические сосуды-приставки. К VI в. связи между жителями Самбии и Скандинавии стабилизируются. Это заметно на примере арбалетовидных фибул с элементами звериного орнамента. Они в сер. I тыслет. н.э. начинают изготавливаться по западнобалтским образцам в юго-восточной Скандинавии, её обитатели экспортируют их в качестве свадебных даров к западным балтам (Кулаков 2011, 51). В это же время на о. Борнхольм по данным могильников фиксируется западнобалтское присутствие (Klindt-

Jensen 1957, 124–127). Эти диффузионные процессы уже давно фиксируются скандинавскими археологами, пришедшими к выводу об интернациональном характере заселения островов в центральной части Балтийской акватории на пороге эпохи викингов (Callmer 1992, 102–106). Этно-культурная диффузия, начавшаяся между населением Янтарного берега и совр. Литовского Взморья с обитателями юго-восточного берега Скандинавии привела, в частности, к возникновению на заре эпохи раннего средневековья социальной близости и матримониального родства между народами указанных регионов, не разделёнными, а, скорее, соединёнными водами Балтики. Это – специфическая черта балтийского варианта движения викингов (Кулаков 1999б, 199, 200).

Первым фактом реализации балтийского варианта движения викингов было возникновение в сер. VII в. н.э. группы памятников археологии скандинавского облика в окрестностях совр. г. Grobiņa (Латвия). Эта группа имела важное, фактически – ключевое значение для развития движения викингов на востоке Европы. «Скандинавское население обитало на берегах р. Аланде, являясь авангардом для последующей колонизации Руси и Исландии» (Bogucki 2006, 103). Все археологи, занимавшиеся историей движения викингов, считали (и автор этих строк тоже) Grobiņa первым торгово-ремесленным поселением, возникшим под скандинавским влиянием на землях балтов. Порядок возникновения таких поселений выглядел так: Grobiņa – ок. 650 г., Truso (Hansdorf/Janów Pomorski) – ок. 700 г., Каур – нач. IX в. (Кулаков 2009, 156). Правда, настораживало отсутствие этнокультурных маркеров скандинавского присутствия на поселении Grobiņa. В 1950 г. на одном из поселений в окрестностях совр. г. Grobiņa были сделаны немногочисленные находки, которые в высокой доле условности можно связать с результатом пребывания викингов на этой земле (Virse, Ritums 2012, 34–37). Но эта неясность с поселением искупалось богатейшим материалом, происходившим с курганных и грунтовых могильников по берегам р. Аланде. Считалось бесспорным, что «основным центром связей восточной Балтики со Скандинавией с 650-х годов становится Гробини (Себург)... Открытое поселение сопровождали курганные и грунтовые могильники...» (Лебедев 2005, 264). Менее категорично относительно наличия открытого торгово-ремесленного поселения в Grobiņa настроен Матеуш Богуцки, публикуя схему Биргера Нермана с гипотетическими поселениями на берегах р. Аланде (**рис. 1, В**). При этом польский коллега признаёт, что весь массив скандинавских находок из Grobiņa происходит из различных по своей форме погребений (Bogucki 2006, 95). Авторы послевоенных раскопок комплекса памятников археологии Grobiņa Валерий Петренко и Юрис Уртанс

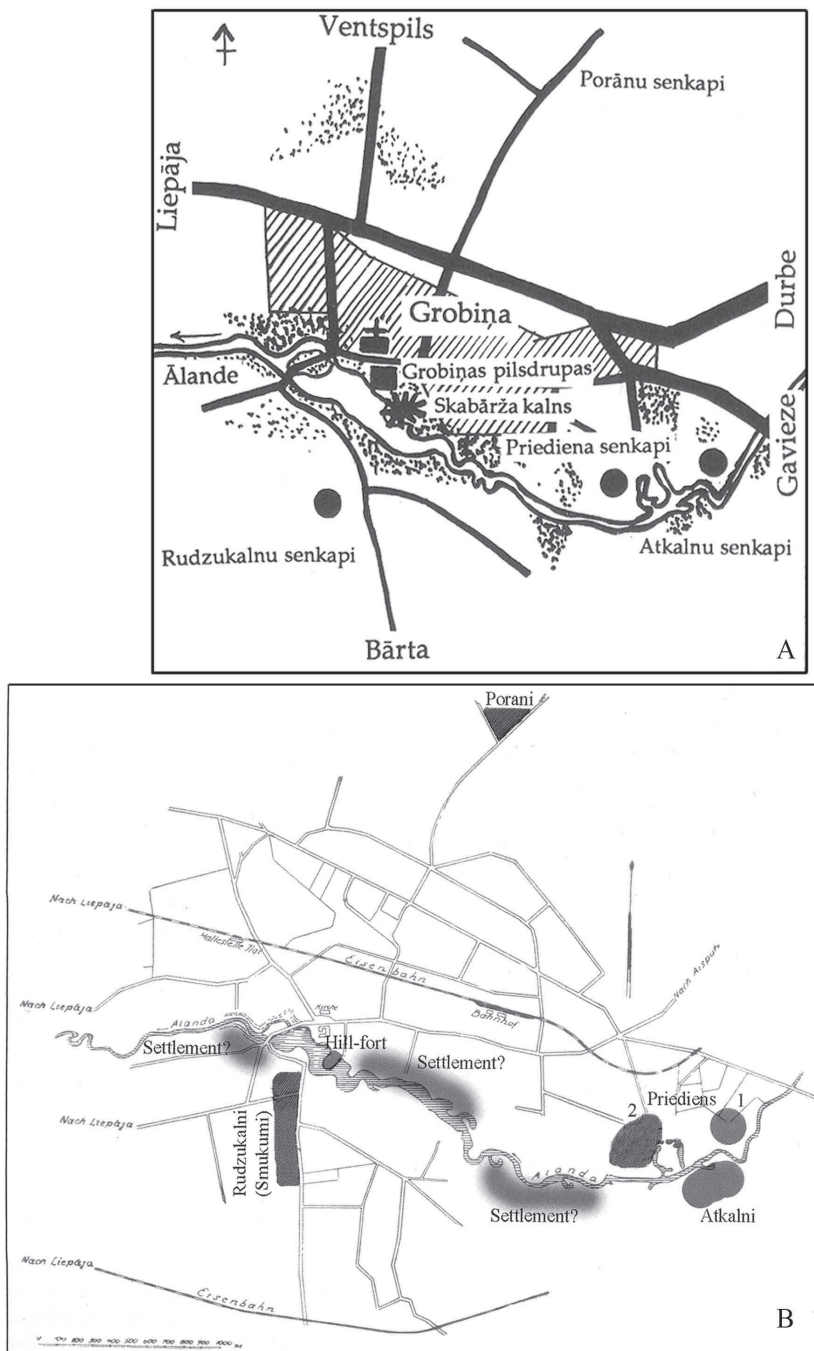

Рис. 1. Схемы расположения памятников археологии у г. Grobiņa:
 А – по: Petrenko, Urtāns 1995, fig. 3; В – по: Bogucki 2006, fig. 2.

представляют схему этого комплекса лишь с двумя поселениями – средневековым замком Grobiņa и городищем Skabārža (рис. 1, В). Открытое поселение, которое могло быть оставлено населением, которому принадлежат скандинавские захоронения, известные в трёх близлежащих могильниках со скандинавскими чертами в обряде и в инвентаре, к настоящему времени убедительно не идентифицировано (Petrenko, Urtāns 2012, 100). Попробуем уточнить характер скандинавского поселения Grobiņa при помощи уникального письменного источника – «Жития Св. Ангария», оставленного Римпертом:

«Власти свеонов издавна подчинялось некое племя, обитавшее далеко от них и называвшееся куры (лат. *Cori*). Но вот уже в течение долгого времени куры бунтовали и не признавали их власть. Зная об этом, даны в то время, когда епископ (Ангарий) уже прибыл в Свеонию, собрав множество кораблей, отправились в тамошнюю страну, желая разграбить добро ее жителей и подчинить их себе. В этом государстве было пять городов.

Итак, жившие там люди, узнав об их приходе, собрались вместе и стали мужественно бороться и защищаться. Одержав победу и уничтожив в резне половину данов, они разграбили половину их кораблей, захватив у них золото, серебро и много другой добычи.

Услышав об этом, вышеупомянутый король Олаф и народ свеонов, желая стяжать себе имя тех, кому удалось совершить то, чего не сделали даны, тем более что раньше куры подчинялись им, собрали бесчисленное войско и явились в тамошние края. Сначала они неожиданно подошли к некоему городу их государства (*urþem regni ipsurum vocatur Seeburg*), называемому Сеебург, в котором находились семь тысяч воинов, и, совершенно опустошив и разграбив, подожгли его.

Оттуда ободренные духом, оставив корабли, они за пять дней с свирепыми сердцами поспешно прибыли к другому тамошнему городу (*urþem*), который звался Апулия. Было же в этом городе пятнадцать тысяч бойцов. Итак, когда они подошли к городу, жители заперлись в нем. Они стали осаждать город снаружи, те мужественно защищать его изнутри; они гнали их внутрь, те отбрасывали их наружу. Так прошло восемь дней. Всякий день с утра до вечера усердствовали враги в битве, и многие с обеих сторон пали, однако ни те, ни другие не могли добиться победы. И вот, на девятый день народ свеонов, утомленный столь долгой борьбой, начал изнемогать и с испугом и дрожью в сердце помышлять лишь о том, как бежать оттуда, говоря: “Здесь нам не будет удачи, а корабли наши далеко”. Ибо, как мы говорили выше, путь до гавани, в которой стояли их корабли, составлял пять дней. И когда они, приведенные в чрезвычайное замешательство, совершенно не знали, что им делать, было решено выяснять посредством жребия, кто из их богов желает им помочь, дабы они либо победили, либо ушли оттуда живыми. И вот, бросив

жребий, они не смогли отыскать никого из богов, кто бы хотел оказать им помощь. Когда об этом было объявлено в народе, в лагере раздались громкие стоны и вопли, и оставило свеонов всякое мужество. Они говорили: “Что делать нам, несчастным? Боги отвернулись от нас и никто из них не помощник нам. Куда убежим мы? Вот, корабли наши далеко, и когда мы будем бежать, враги, преследуя нас, совершенно нас истребят. На что надеяться нам?”

И когда они оказались в таком тяжелом положении, некоторые из купцов, помнившие обычай учения епископа, стали говорить им: “Бог христиан очень часто помогает вызывающим к Нему, Он – могущественнейший в подмоге. Узнаем же, желает ли Он быть с нами, и обещаем ему, что весьма охотно дадим угодные ему обеты”. Итак, после всеобщей смиренной просьбы был брошен жребий, обнаруживший, что Христу угодно им помочь. После того как это было публично всем объявлено, все сердца вдруг укрепились, так что свеоны бесстрашно возжелали немедленно пойти на приступ города, говоря: “Чего нам теперь опасаться и чего бояться? С нами Христос. Так будем биться и мужественно бороться, и ничто не сможет нам противостоять; не уйдет от нас эта победа, ибо нам помощником могущественнейший из богов”. Все они, собравшись вместе, с радостным и укрепленным духом бросились на завоевание города.

Когда же они окружили город и хотели начать битву, те, кто находился внутри, решили начать переговоры о выдаче откупа. Король свеонов согласился на это, и они тотчас это и сделали: “Мир уже угоден нам больше, чем война, и мы желаем заключить с вами договор. Прежде всего, мы даем вам в залог мира то золото и оружие, которые мы приобрели в прошлом году в качестве добычи у данов. Затем, за каждого человека, находящегося в городе, мы даем полфунта серебра. Мы будем выплачивать вам дань больше той, что платили раньше, дадим заложников и желаем отныне, как и прежде, подчиняться вам и покорно пребывать под вашей властью”.

Однако, после того как [осажденные] это предложили, души молодых людей не могли сразу успокоиться, но сделались еще более возбуждены, и они, неустрашимые, хотели биться, говоря, что силой оружия возьмут город и разграбят все, что там есть, а жителей уведут пленниками. Но король и знатнейшие, последовав более здравому совету, приняли условия осажденных и заключили договор. Взяв бесчисленные богатства и тридцать заложников, они с весельем возвратились к себе.

После того как между ними был заключен мир, свеоны сразу же стали всеми силами восхвалять всемогущество Господа нашего Христа и величие Его, провозглашая, что Он истинно величайший из всех богов. Они стали с рвением выяснять, каким обетом угодить тому Богу, с чьей помощью они одержали столь значительную победу. Будучи научены бывшими с ними купцами-христианами, они дали угодный Господу Христу обет поститься, дабы, вернувшись к себе, после того как они пробудут дома семь дней, следующие семь дней все они будут воздерживаться

от мяса, а после этого, по прошествии сорока дней, они с общего согласия также будут предаваться воздержанию от мяса следующие сорок дней. Это и было совершено. И все, кто был в походе, весьма охотно исполнили это постановление» (цит. по: Сванидзе 1999, латинская версия – по: *Scriptores Rerum Germanicarum*, 1884, 60, 61).

Согласно этому тексту, курши в 852–853 гг. платили шведам (некое «государственное объединение» – Нюлен 1986, 161) дань. При этом у куршей также существовала определённая общественная структура (лат. *regnum*) с пятью «городами» (лат. *urbs*). Среди них упомянуты Seeborg (традиционно сопоставляется археологами с поселением у Grobiņa, судя по контексту – с городищем Skabárža) и Arulia. Штурму последовательно подверглись оба эти «города», причём последний штурмовался шведами с большим напряжением. То, что инициаторами финальной атаки на «город» Arulia были шведские (?) купцы, указывает на то, что целью шведского набега на землю куршей было не только желание получить дань, но и торговая конкуренция. Археологически следы штурма сер. IX в. на городище Aruolē, сопоставимом с «городом» Arulia Римперта, в раскопках были зафиксированы в виде представленных в нижней прослойке культурного слоя городища наконечников стрел и дротика, связываемых со шведскими древностями IX–X вв. (Nerman 2009, 53).

Заминка шведских воинов перед решающим штурмом напоминает ситуацию, возникшую в датском войске, примерно через столетие штурмовавшем некое укрепление на Самбии. Саксон Грамматик так описывает финал этой битвы: «Хакон, сын конунга Харальда, прозванного Синезубым (930-е – 1 ноября 986? гг.), напал на сембов. Когда он увидел, что его мужи в момент опасной борьбы дрогнули, приказал он возложить огонь на вытщенные на берег корабли, дабы отнять у дрогнувших надежду на бегство. Битва выпала победоносной для датского меча. Даны победили замландцев, взяли в жёны женщин поверженных пруссов и повели свою жизнь вместе с (бывшими – К. В.) врагами» (цит. по: Mühlen 1975, 1). Возможность вытщить на берег парусные ладьи и преодолеть авантюру существует лишь в северной части полуострова Самбия, поблизости от комплекса памятников археологии в уроч. Каур. Собственно, для его захвата и был предпринят в сер. X в. датский набег (Кулаков 2006, 140). Кроме общих черт при описании военных действий, комплексы памятников археологии эпохи викингов Grobiņa и Каур объединяет отсутствие ярко выраженных следов открытого торгово-ремесленного поселения с обильным культурным слоем и массой находок IX–X вв. Уроч. Каур окружено скоплением поселений разных эпох, границы которых обозначены на **рис. 2** красным пунктиром. Среди

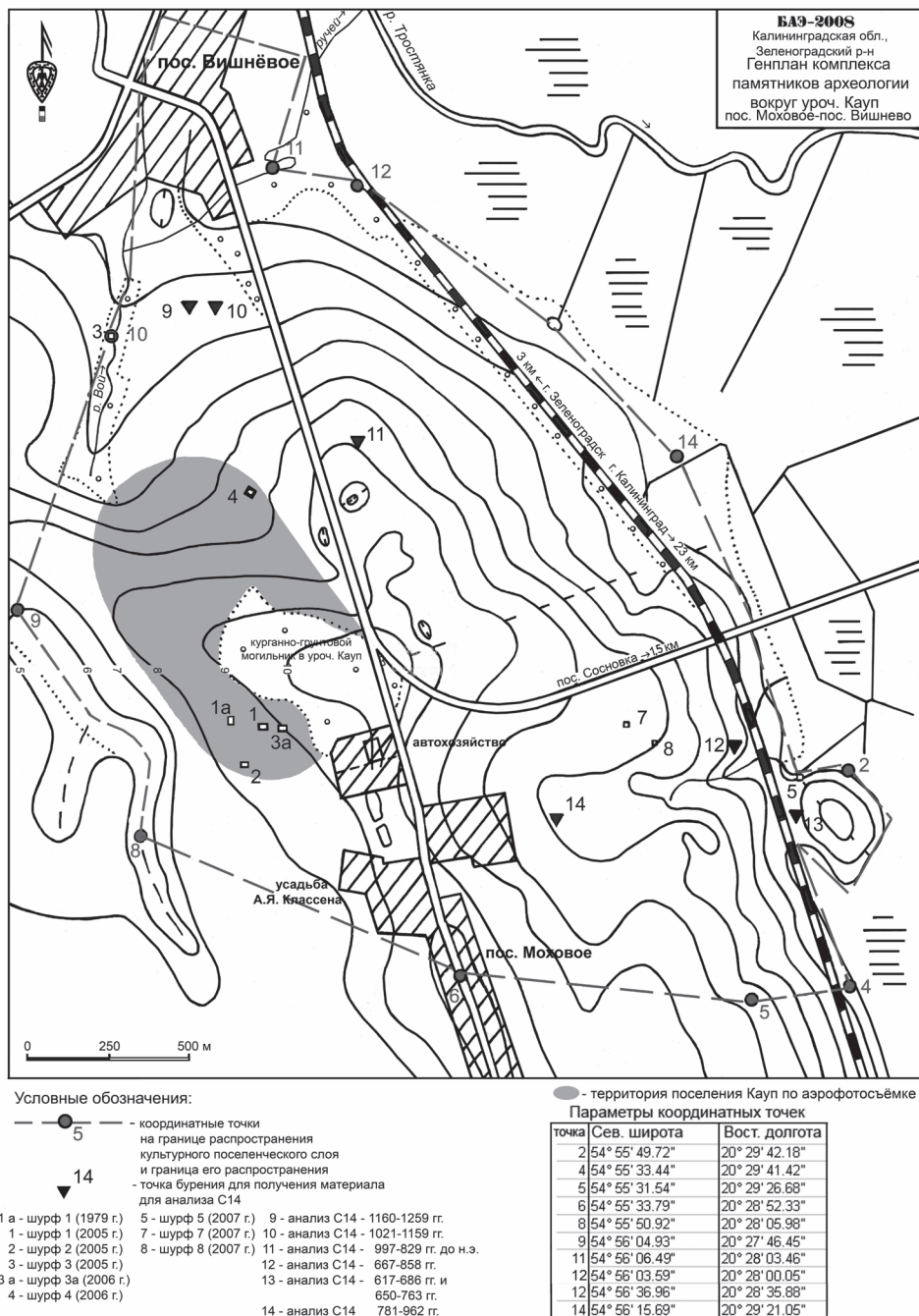

Рис. 2. План комплекса памятников археологии у лесного уроч. Кауп.

них в 1979 г. было выявлено пятно культурного слоя разм. 350–110 м с фрагментами лепной керамики предположительно IX–X вв. (Кулаков 2012, 20). К настоящему времени данные аэрофотосъёмки позволяют говорить о поселении разм. ок. 700 x 500 м, в шурфах на территории которого обнаружен материал преимущественно XI–XII вв. (Ibsen 2009, 265). Grobiņa и Каур характеризуются наличием в пределах комплекса памятников археологии погребений различных исторических эпох, начиная с неолита или эпохи ранней бронзы (Petrenko, Urtāns 2012, 15–17; Кулаков 2012, 21). Оба скопления памятников представляются местами долговременно производившихся погребений, которые использовались как западнобалтскими автохтонами, так и скандинавскими пришельцами. К сер. VII в. их количество в юго-восточной Балтии стало столь высоко, что стало возможным возведение одного или даже нескольких могильников сначала в Grobiņa, а затем и на Каур. Примечательна большая доля готландских погребений на этих пунктах. Третьим пунктом в ареале западных балтов, содержащим готландские захоронения VIII–IX вв., является грунтовой могильник на ул. Монюшки в г. Elbląg (Neugebauer 1975, 20). Ян Жак ещё в 60-х годах XX в. предположил, что преимущественно женские погребения на ул. Монюшки принадлежат останкам жён прусских воинов, привезённым с о. Готланд (Кулаков 1996, 138). Этот же феномен фиксируется в случае с грунтовым могильником Daumen/Tumiany (Кулаков 1990, 178, 179) VII–VIII вв. и с синхронными могильниками в Grobiņa и Elbląg. Возможно, самые ранние готландские женские захоронения (Кулаков 2012, 54) на могильнике Каур также принадлежат жёнам пруссов. Только Daumen/Tumiany дают массив женских находок, связанных в основном с Подунавьем (кроме, пожалуй, изготовленных в Скандинавии звериноголовых фибул – Кулаков 2011, 51–64). Остальные показатели связей западных балтов указывают на о. Готланд.

Именно с такой сакральной по своему смыслу спецификой скопления погребальных памятников со скандинавскими чертами в юго-восточной Балтии связан западнобалтский феномен в эпохе викингов. Торговые эмпории северян возникали здесь не только ввиду удобства водных и сухопутных подходов к поселению или к скрещению торговых путей. Для пришельцев были важны места, исторически связанные с их предками, участки балтской территории, освящённые многовековым присутствием останков их родственников.

Однако полностью соответствующий нормам вика торгово-ремесленное поселение возникло лишь в Truso. В его случае сказались, очевидно, граничный со славянами характер участка территории прусской земли Погезания, занятого под это поселение и высокий процент славян, составлявших

его население. Видимо, именно этот славянский субстрат был той питательной средой, в которой могло активно развиваться скандинавское поселенческое движение на Балтике. В случае с Grobiņa и Каур скандинавам так и не удалось занять в этих поселениях решающие места (очевидно – из-за жёсткости и негибкости местных традиций) и их деятельность протекала под строгим контролем местных властных структур. Это стало причиной конкурентных набегов датчан и шведов на эти поселения, это отразилось и в структуре местных могильников (Кулаков 2012, 109). Именно западнобалтский сакральный феномен стал причиной отсутствия в Grobiņa и Каур поселений с чертами, типичными для торгово-ремесленного поселения эпохи викингов. Местные объекты, связанные с торговой и ремесленной деятельностью, имели иные параметры. Торговля руками скандинавских купцов могла вообще осуществляться с судов, дабы нога чужеземца реже ступала на землю балтов.

Отсутствие прямых археологических свидетельств о существовании в западнобалтском ареале (исключая Truso) торгово-ремесленных поселений с преобладающим (как и в остальной Северной Европе) скандинавским этно-культурным элементом объясняется особыми, граничащими с ксенофобией нравственными нормами западных балтов. Ещё в сер. X в. Ибрагим ибн-Якуб отмечает тщательность, с которой пруссы несли охрану пределов своей земли (Aus der Kirchengeschichte..., 1861, 239). Судя по тексту «Страстей Св. Адальберта» миссионера Войцеха-Адальберта в апреле 997 г. приводят в селение, помещают в большом доме на торжище и говорят ему: «Нами и всей этой страной, вход в которую мы составляем, повелевает общий закон и одинаковый образ жизни. ... Убирайтесь из наших пределов» (Кулаков 1993, 39). Значит, торжища (дисл. Каур – «торжище») существовали у пруссов эпохи викингов. Правда, они могли быть представленными, судя по тексту «Страстей...», в виде неких экстерриториальных частей прусских поселений, куда в экстренном порядке кратковременный доступ иноземцев был разрешён. Четвёртый закон легендарных «семнадцати заповедей» Видевута гласит: «...Все соседи, которые почитают наших богов и приносят им жертвы, должны быть нами любимы и почитаемы. Если же они отвергнут (наших богов), должны быть (уничтожены) при помощи огня или дубинами» (Кулаков 1994, 150). Согласно следующему закону, старшая жена прусса должна «происходить из того рода, который пришёл с нами в страну...» (там же). Согласно прусским легендам, первопоселенцами Янтарного берега были некие «скандиане» – выходцы из легендарной Кимбрии (Ютланд или Готланд) (Grunau 1876, 60, 61). В данной части свода прусских сказаний под напластованиями фольклорных материалов видна

историческая фактура, отражённая в археологическом материале римского времени, свидетельствующем о плотных контактах эстиев со скандинавами в начале I тысячелетия н.э. (см. выше). Со временем эти контакты привели к формированию полиэтничных могильников. Торговые контакты с севером Европы могли развиваться не только с учётом коммерческой необходимости, но и с привлечением родственных/матримониальных связей. Однако строгие ограничения деятельности в западнобалтском ареале иноземцев, не принесших жертв местным богам, не способствовало формированию здесь оставивших мощные культурные напластования торгово-ремесленных поселений. Вне пределов исторически сложившихся скандинавских анклавов типа Grobiņa и Каур североевропейские «импорты» в западнобалтской среде IX–X вв. весьма редки (Bliužienė 2008, fig. 1). Эта особенность юго-восточной Балтии IX–X вв. привела к тому, что в XI в. активные торговые операции по Неманскому и Даугавскому торговым путям проводили местные купцы, используя в качестве товара продукцию местных мастеров, сделанную по местным или скандинавским образцам (Кулаков 2012, 108; Spīrģis 2008, 384).

Л и т е р а т у р а

- Кулаков 1990 – Кулаков В. И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878–1938 гг./. *Barbaricum-89*. Warszawa, 148–273.
- Кулаков 1993 – Кулаков В. И. Северная Самбия: апрель 997 г. *Краткие сообщения Института археологии*, вып. 210. Москва, 37–44.
- Кулаков 1994 – Кулаков В. И. *Пруссy (V–XIII вв.)*. Москва.
- Кулаков 2006 – Кулаков В. И. Трусо и Кауп. *Российская археология*, № 3, 134–147.
- Кулаков 1999а – Кулаков В. И. Балтийский вариант движения викингов. *Stratum plus*, № 5. СПб-Кишинёв-Одесса, 148–151.
- Кулаков 1999б – Кулаков В. И. Балтийский акцент в движении викингов (этнические диффузии и традиции искусства). *Archaeologia Lituana*, vol. I. Vilnius, 197–212.
- Кулаков 2003 – Кулаков В. И. *История Пруссии до 1283 г.* Москва.
- Кулаков 2009 – Кулаков В. И. Юго-восточная Балтия в IX в. *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. Труды ГЭ*, вып. XLIX. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 155–172.
- Кулаков 2011 – Кулаков В. И. *Декоративное искусство Янтарного края. Орнамент фибул V–VII вв.* Saarbrücken.
- Кулаков 2012 – Кулаков В. И. *Неманский янтарный путь в эпоху викингов*. Калининград.
- Лебедев 2005 – Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. СПб.
- Нюлен 1986 – Нюлен Э. Эпоха викингов и раннее средневековье в Швеции. *Славяне и скандинавы*. Москва, 155–168
- Сванидзе 1999 – Сванидзе А. А. *Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы*. Москва.
- Almgren, Nerman 1923 – Almgren O., Nerman B. *Die ältere Eisenzeit Gotlands*. Stockholm.

- Bliujienė 2008 – Bliujienė A. Trade, warfare, looting and hoarding: attributes of Viking age contacts across the Baltic sea. *Pētījumi kuršu senatnē. Rakstu krājums*. Rīga, 167–177.
- Bogucki 2006 – Bogucki M. Grobina – a Sign of an Early Future Port of Trade in the Bald Lands. *Transformatio Mundi. The Transition from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas.
- Callmer 1992 – Callmer J. Interaction between ethnical Groups in the Baltic region in the Late Iron age. *Contacts across the Baltic sea*. Lund, 98–110.
- Grunau 1876 – Simon Grunau. *Preussische Chronik*, Bd. I. Leipzig.
- Ibsen 2009 – Ibsen T. “Etwas hier die Siedlung”. *Der frühmittelalterliche Fundplatz Wiskiauten/Mohovoe im Kaliningrader Gebiet im Lichte alter Dokumente und neuer Forschungen*. Dissertation. Kiel.
- Klindt-Jensen 1957 – Klindt-Jensen O. *Bornholm I folkvandringstiden og forudsætningerne i tidlig jernalder*. København.
- Koulakov V., 2000. Les contacts entre la cote sud de la Baltique et Rome a l'epoque de Neron. *Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et la haut Moyen-Age. Colloquia Pontica*, vol. 5. Leiden-Boston-Köln, 29–35.
- Mühlen 1975 – Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen. *Bonner Hefte zur Vorgeschichte*, Nr. 9.
- Nerman 2009 – Nerman B. Die Ausgrabungen in Apulè 1931. *Lamm J. P., Apulè. Ausgrabungen und Funde. 1928–1932*. Klaipėda, 15–138.
- Neugebauer 1975 – Neugebauer W. Von Truso nach Elbing. Leitlinien der Frühgeschichte des Weichselmündunggebietes. *Studien zur europäische Vor- und Frühgeschichte*. Neumünster, 5–29.
- Nowakowski 2009a – Nowakowski W. W dól Węgorapy – odgałęzienie “szlaku bursztynowego” w początkach okresu wpływów rzymskich. *Studia Węgorapskie*, t. I. Warszawa, 107–124.
- Nowakowski 2009b – Nowakowski W. Z problematyki kontaktów bałtyjsko-skandynawskich w okresie wpływów rzymskich. *Pruthenia*, t. IV. Olsztyn, 43–85.
- Petrenko, Urtans 1995 – Petrenko V., Urtans V. *The archaeological Monuments of Grobiņa*. Riga.
- Petrenko, Urtans 2012 – Petrenko V., Urtans J. *Grobiņas arheoloģijas pieminekļi*. Riga.
- Scriptores Rerum Germanicarum 1884 – *Scriptores Rerum Germanicarum*. Hannoverae, 60, 61.
- Scriptores Rerum Prussicarum 1861 – Aus der Kirchengeschichte des Adam von Bremen. *Scriptores Rerum Prussicarum*, Bd. I. Leipzig, 239.
- Spirģis 2008 – Spirģis R. *Brunrupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas leitecē 10.–13. gadsimtā*. Rīga.
- Virse, Ritums 2012 – Virse I. L., Ritums R. The Grobiņa complex of dwelling locations and burial sites, and related questions. *Archaeologia Baltica 17*. Klaipėda, 34–41.

Vladimir Kulakov

WESTBALTIC PHENOMENON IN AN ERA OF VIKINGS

Summary

The movement of Vikings not for all regions of our continent was concussion of bases of public life. If in the western part of Europe the pressure of teams of Vikings/Normans led to bloody excesses at collision with the early feudal states of the West German world, in east part of the Baltic region arrival of northerners

had mainly peaceful character and possessed lines of cultural and ethnic diffusion. It led to formation of the Baltic option of the movement of Vikings.

Emergence in sulfurs was the first fact of realization of the Baltic option of the movement of Vikings. VII century AD groups of archaeological monuments of the Scandinavian shape in vicinities modern Grobiņa (Latvia). Archeologists considered Grobiņa as the first trade and craft settlement which arose circa 650 AD under the Scandinavian influence on lands of Balts. Then there was Truso (Hansdorf/Janów Pomorski) – circa 700 AD, and Kaup – the head of the IX century, however, guarded lack of ethno-cultural markers of the Scandinavian presence on the settlement of Grobiņa. This congestion of monuments of archeology, and also Kaup are represented by places of for a long time made burials which were used by both westbaltic Autochtons, and the Scandinavian newcomers. The third point in an area of the western Balts containing gotlandic burials of VIII–IX centuries is soil the burial ground on Moniushka St. in of Elbląg. Jan Žak still in the sixties assumed XX century that mainly female burials on Moniushka St. belong to the remains of wives of Prussian soldiers brought about the lake of Gotland. The same phenomenon is fixed in a case with a soil burial ground of Daumen/Tumiany VII–VIII of centuries and with synchronous burial grounds in Grobiņa and Elbląg.

The westbaltic phenomenon in an era of Vikings is connected with such specifics of a congestion of funeral monuments, sacral on the sense, with the Scandinavian lines in southeast Baltic. Trade Emporium of northerners arose here not only in view of convenience of water and overland approaches to the settlement or to a crossroads of trade ways. The places which are historically connected with their ancestors, the sites of the Baltic territory consecrated with centuries-old presence of remains of their relatives were important for newcomers.

Completely meeting Vick's standards the trade and craft settlement arose only in Truso. In Grobiņa and on Kaup Scandinavians didn't manage to take decisive places in these settlements and their activity proceeded under strict control of local power structures. Westbaltic sacral phenomenon became the absence reason in Grobiņa and Kaup of settlements with the lines typical for the trade and craft settlement of an era of Vikings. The local objects connected with trade and craft activity had other parameters. Trade in hands of the Scandinavian merchants could be carried out in general from courts that the stranger's foot set foot on land of Balts less often.